

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.6)»1930»

Скорик А.П.¹, Гадицкая М.А.²

¹Южно-Российский государственный технический университет (г. Новочеркасск)

²Российский университет дружбы народов (Сочинский филиал)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И КОСТЮМ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В 1930-х гг. КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

A. Skorik¹, M. Gaditskaya²

¹South-Russian State Technical University, Novochechassk

²Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia

FOOD SUPPLY AND NATIONAL COSSACKS COSTUME AS ELEMENTS OF EVERYDAY LIFE IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1930^s

Аннотация. В статье освещается ряд элементов повседневной жизни южнороссийского казачества, которые претерпели существенные изменения в условиях коллективизированной деревни 1930-х гг. Казачьи станицы тяжело пережили «продовольственные затруднения» в первой половине рассматриваемого десятилетия. Казаки вынужденно перешли на самообеспечение дарами природы. С развертыванием кампании «за советское казачество» во второй половине 1930-х гг. резко изменилось отношение к ранее непопулярному казачьему костюму и его публичной демонстрации. Традиционная одежда стала подчеркивать новый, советский статус южнороссийского казачества.

Ключевые слова: казачий костюм, кампания «за советское казачество», обувь, одежда, «продовольственные затруднения», трудодень.

Abstract. The article highlights some of the elements of Cossacks' everyday life in the South of Russia, which had changed significantly in conditions of collectivized village of 1930s. Cossack villages could survive through "food difficulties" in the first half of the first decade in question with great difficulties. The Cossacks were forced to be fully self-sufficient and dependent on growing food for themselves. With the deployment of the campaign "for the Soviet Cossacks" in the second half of 1930s their attitude to the previously unpopular Cossacks national costume and its public demonstration dramatically changed. Traditional clothing started to emphasize the new Soviet status of the southern Russian Cossacks.

Key words: Cossack costume, the campaign "for the Soviet Cossacks", shoes, clothes, "food difficulties, workday.

С развертыванием коллективизации в повседневной жизни населения сел и станиц Юга России крайне обострилась проблема продовольственного обеспечения. В конечном итоге сталинский режим довел села и станицы Юга России (как и целого ряда других регионов СССР) до катастрофы, – до Великого голода 1932 – 1933 гг. Причем жертвами голода стали именно сельские жители, поскольку единоличники и колхозники отдали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение по карточкам, как горожане.

© Скорик А.П., Гадицкая М.А., 2013.

Конечно, представители власти постоянно заявляли о необходимости улучшить продовольственное обеспечение колхозников. Например, на первой Боковской районной партийной конференции в феврале 1935 г. говорилось о том, что следует «поставить задачей добиться получения хлеба на трудодень колхозниками не менее 10 кг»¹. Однако такие рекомендации были выполнены (и то лишь отчасти) не ранее второй половины 1930-х гг., когда в функционировании колхозной системы отчетливо наметились положительные тенденции. Если, например, в колхозах Дона в 1931 г. колхозники в среднем получали на трудодень 2,2 кг зерна и 0,22 руб., в 1932 г. – 1,42 кг и 0,42 руб., то в урожайном 1937 г. – 5,31 кг и 0,84 руб., в засушливом 1938 г. – 3,19 кг и 1,10 руб., в 1939 г. – 3,3 кг и 1,31 руб. [7, с. 159] Воспоминания сельских жителей также свидетельствуют о том, что они ощутили перемены к лучшему только во второй половине 1930-х гг. Один из членов сельхозартели «Земледелец» Архангельского района Орджоникидзевского края бесхитростно писал в «Крестьянскую газету» в 1939 г.: «Мы и наш колхоз живем хорошо только два года. Это 1937–1938 гг. [а] в тех годах (то есть на протяжении предшествующих лет – *авт.*) жили плохо»².

В условиях колхозной системы рацион казачества претерпел существенные изменения. В первой половине 1930-х гг. эти изменения носили по большей мере отрицательный характер. Казачье меню сокращалось, качество продуктов ухудшалось (хотя в богатых и пригородных колхозах снабжение осуществлялось гораздо лучше, к тому же там казаки могли приобретать «городские» продукты, например, кондитерские изделия, колбасу и т.п.). Лишь во второй половине 1930-х гг. ситуация, как мы рассматривали выше, улучшилась (но не стабилизировалась), особенно с урожайного 1937 г.

Для сравнения, в конце XIX в. на Дону обычной пищей казаков служили чай с калачом или

булкой, хлеб, молоко, рыба, щи, квас [4, с. 35–36]. Мясо на стол попадало гораздо реже, да и то обычно зимой (летом его вообще почти не ели, так как в это время скотину не забивали без особой нужды из-за сложностей хранения мяса в жару и из-за того, что скот на протяжении данного времени года набирал вес). Чаще мясные блюда готовили из мяса птицы: кур, уток, гусей. Примерно так же питались казаки Кубанского и Терского войск. При этом в южнороссийских регионах чаще всего ели белый (пшеничный) хлеб, а не ржаной, распространенный в центральной России [2, с. 5].

В начале же 1930-х гг. пшеница стала стратегически важным продуктом, достававшимся казакам-колхозникам в последнюю очередь. Нередко на трудодни выдавали в основном рожь, кукурузу, ячмень, озаток; из них и пекли хлеб или лепешки. Так что понятна гордость первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, заявлявшего в 1935 г., что трудодень не только «стал весить и стоить примерно в два раза больше», но теперь его обеспечивают «не кукурузой и ячменем, как раньше, а настоящей кубанской и донской пшеницей» [12, с. 5].

В условиях перманентных «продовольственных затруднений» сельские жители Юга России, и в том числе казаки, широко использовали природные ресурсы. Так, в августе 1933 г. из станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Северо-Кавказского края ушли в кубанские плавни до 30 хозяйств колхозников и единоличников, говоря, что власть забирает «...последний хлеб, а здесь хоть плохо, но нас накормит Кубань»³. Кроме ракушек и рыбы (эти продукты можно было добыть и зимой), в пищу употреблялись лебеда, крапива, щавель, другие растения, дикорастущие фрукты и ягоды и т.д. Важными элементами казачьего рациона в это время являлись молоко и молокопродукты, которые чаще всего колхозники получали не из колхоза, а от своих коров, содержавшихся в личных подсобных хозяйствах.

Трудности возникали не только с продовольствием, но и промышленными товарами:

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 10. Д. 102. Л. 305.

³ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.

одеждой, обувью, спичками, керосином, гвоздями и т.д. В частности, по воспоминаниям современников, в первой половине 1930-х гг. в станице Новолеушковской (Кубань) «колхозники были очень бедными, ходили хуже нищих» [8, с. 109]. Тогда же представители власти на Юге России (в том числе и руководители типично казачьего Вешенского района) неоднократно признавали, что в сельских лавках потребкооперации нет никаких товаров, «кроме спичек», и колхозники ощущают «острую нужду в обуви и мануфактуре»¹, «недостаёт нужных товаров, в частности... телогреек, обуви»².

Трудности с приобретением одежды и обуви способствовали устойчивости костюма сельских жителей Юга России на протяжении 1930-х гг. Иными словами, поскольку легкая промышленность в очень слабой степени обеспечивала села и казачьи станицы своей продукцией, их жители сами производили одежду, которая, естественно, изготавливалась в традиционном стиле из тех немногих материалов, что наличествовали в хозяйстве и домах казаков. На протяжении 1930-х гг. (особенно в первой половине десятилетия) обычной одеждой донских, кубанских, терских казаков-колхозников и единоличников являлись рубаха и штаны (весенне-летний период), тулуп или полушубок, треух или папаха поздней осенью и зимой. Обувью не хватало, поэтому летом нередко ходили босиком, зимой же носили валенки или чурьяки. У многих мужчин, демобилизованных из армии, традиционный сельский костюм дополнялся такими элементами, как гимнастерка, галифе. Обычной одеждой женщин в казачьих районах Северо-Кавказского края оставались платки или косынки, рубахи и широкие длинные юбки; зимой этот наряд дополнялся теми же полушубками.

Вместе с тем, судя по фотодокументам и описаниям, казаки на Юге России в 1930-х гг. своим внешним обликом заметно выделялись из общей массы колхозников. Дело в том, что

множество казаков носило как повседневную одежду досоветскую военную форму или отдельные ее элементы, несмотря на резко отрицательное отношение к этому представителей местного руководства. Отдельные члены казачьих сообществ, убоившись неприятностей, отказывались от ношения такой одежды (в частности, терские казаки вспоминали во второй половине 1930-х гг.: «Путали нас, что казаков быть не должно, некоторые из нас даже свою казачью одежду перешили в пиджаки») [14, с. 3] [11]. Но отказ от повседневного ношения традиционной казачьей одежды не стал в период коллективизации повсеместным явлением в казачьих станицах Дона, Кубани, Терека. На Дону по-прежнему носили фуражки с красными околышами, шаровары темно-синего цвета с красными лампасами. Отличительной особенностью кубанцев, помимо прочего, был их знаменитый головной убор – невысокая барашковая шапка («кубанка»).

Когда же в 1936 г. развернулась кампания «за советское казачество», казаки стали почти обязательно надевать парадную казачью одежду на те или иные праздники и торжественные мероприятия, активно позировать в парадных костюмах для фотографов из газет и журналов. Правда, учитывая неоднозначное отношение к казачьей форме в предшествующие годы, иной раз отыскать полный ее комплект было непросто. О том, с каким трудом проходило обмундирование казаков на начальном этапе кампании «за советское казачество», зимой – весной 1936 г. вспоминал донской колхозник И.К. Меркулов из Нижне-Чирского района Сталинградского края (туда в советский период отошли северные районы бывшей Области войска Донского). По словам Меркулова, в апреле 1936 г. в районе приняли решение создать сотню «ворошиловских кавалеристов» из участников добровольных конноспортивных кружков, а его назначить сотенным командиром. И сразу же сотня спешно выступала в Сталинград для участия в первомайских торжествах. Оказалось, что у предполагаемого командира, не говоря уже о рядовых кавалеристах,

¹ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 462. Л. 28.

² ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.

нет формы. Тогда старый казак из того же колхоза, дед Игнат, принес ему «старые, пропахшие нафталином, широкие шаровары, с ярко-красными лампасами на голубом сукне: [«]Еще в японскую войну надевал. Уж не думал, что они свет увидят[»]. Портной Иван Бахарев обещал найти самое сложное – фуражку: «У меня на подловке (чердаке – *авт.*) старая фуражка есть, так мы ее махом перелицуем» [13, с. 83].

И вот новоявленный сотенный командир облачился в шаровары, нацепил шашку, но с фуражкой вышла заминка: «Я волновался: надо было почистить коней и сбрую, захватить овса, а главное у меня не было еще фуражки. Пора уже выезжать, но я все еще мыкался по конюшне в клетчатой кепке, хотя на ногах уже болтались шаровары с пунцовыми лампасами и блестели начищенные сапоги». Казаки посмеивались: «Какой же ты казак Климаныч, да еще командир, коли на парад не по форме одет». Наконец, портной принес-таки фуражку: «Всю ночь шил. Все-таки сделал» [13, с. 84]. Любопытно, что далее в рассказе следует еще одна деталь, свидетельствующая, насколько молодежь забыла старые казачьи традиции. Когда сотня «ворошиловских кавалеристов» строилась и подгоняла обмундирование, уже упоминавшийся дед Игнат помогал молодому казаку-колхознику Андрею приладить шашку, ворча при этом: «Эх ты, казак, а шашку задом наперед надел» [13, с. 85]. Дело в том, что шашка, в отличие от сабли, крепилась к поясу не вогнутой, а наоборот, выгнутой стороной, что было несколько необычно. Андрей, видимо, приладил шашку на манер сабли, что в прежние времена вызвало бы, как минимум, безжалостные насмешки опытных казаков.

Впоследствии казачья форма стала неким брендом, без которого кубанские, донские, терские колхозы уже просто не мыслились. Зачастую члены этих коллективных хозяйств позировали перед фотографами именно в форме. Так, в краевой газете Краснодарского края «Большевик» за 1938 г. помещена фотография, на которой запечатлен заведующий свиноводческой фермой колхоза «Мир и

Труд» Павловского района Ф.И. Рой, облаченный в черкеску с газырями. Под черкеской виден бешмет со стоячим воротником, на голове у Ф.И. Роя – кубанка. Дополняет все это убранство привешенный к поясу кинжал в изукрашенных ножнах [1, с. 2]. Примерно так же одет бригадир первой полеводческой бригады колхоза им. Чапаева Усть-Лабинского района С.А. Бабко, чья фотография помещена в журнале «Советская агрономия» за 1940 г. Единственное отличие в одежде Ф.И. Роя и С.А. Бабко в том, что у последнего в верхней части груди, поперек бешмета и черкески, ясно виден шнурок для закинутого за спину башлыка [6, с. 2], в то время как Рой позировал для фотографов без указанного элемента одежды.

Впрочем, ряд казаков (особенно, молодых) видел в ношении традиционной форме чуть ли не символ приверженности монархизму, и потому отказывался таковую надевать. Нескольким прохладное отношение к процессам популяризации казачьего костюма выказывала и прекрасная половина казачества. Дело в том, что одежда казачек Юга России, практичная и удобная в сельских условиях, выглядела, конечно, менее модной и яркой, чем типичные наряды горожанок. Неудивительно поэтому, что многие сельские женщины, и особенно девушки (в том числе и казачки), стремились следовать за городской модой и, если им позволяли средства, то непременно носили береты (для чего делалась соответствующая короткая стрижка), костюмы и другие характерные для того исторического времени «городские» наряды.

Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени именуется кубанской казачкой [9, с. 41]. Однако фотографиям периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а в городских нарядах, что естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей исполнилось лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР, куда П.И. Ковардак выдвинули

кандидатом, ее сфотографировали в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по тогдашней моде волосами [10, с. 16].

В 1936 г. в газете «Молот» была помещена статья о колхознице сельхозартели «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края Вере Куркиной – одной из инициаторов движения «ворошиловских кавалеристов». На фотографии Вера, которой в 1936 г. исполнилось двадцать лет, запечатлена в кубанке (а над обрезаем фотографии виден ворот тужурки или стеганки). Но в статье при этом отмечалось, что Вера «не менее других молодых казачек любит наряжаться. Она давно уже мечтает о красивой шляпке с цветочками. И хотя на хуторе среди девушек не принято еще носить шляпок, Вера твердо решила одеваться так, как одеваются городские комсомолки» [3, с. 4].

Сочетание советских (городских) и традиционных элементов в костюме донских казачек-колхозниц хорошо заметно на дошедших до нас фотографиях 1930-х гг. На одной из них, датированной 1937 г., запечатлены молодые казачки из хутора Верхне-Ушаковского Вешенского района Азово-Черноморского края Вера Ушакова (учащаяся Вешенского педучилища), Таня Благородова (студентка Новочеркасского техникума механизации сельского хозяйства), Паша Благородова (ученица Вешенской школы-десятилетки). Учитывая, что они жили и учились за пределами родного хутора, в крупной станице или городе, они были коротко пострижены или завиты и одеты в городские наряды. Вера позировала в юбке и блузе с жабо на груди, Таня – в блузке и юбке, Паша – в платье и беретике. На сфотографированных в том же году некоторых колхозницах-комсомолках сельхозартели им. Ленина Тарасовского района Азово-Черноморского края тоже красовались блузки, а поверх коротких «городских» причесок – береты (хотя другие девушки из того же колхоза нарядились в обычные «сельские» кофточка и юбка). На целом ряде других фотографий 1937 г. запечатлены казачки из различных районов Дона

(Матвеево-Курганского, Мигулинского, Новочеркасского, Тарасовского и др.), одетые вполне традиционно – в кофточка, юбка, платки или косынка. Относительным нововведением (и, одновременно, неким символом советского времени) в их костюме являются лишь стеганка, или «фуфайка» [5].

И все же, как мы отмечали выше, традиционный, хотя и несколько упрощенный женский костюм оставался преобладающим в казачьих станицах. По сравнению с мужским костюмом в 1930-е гг. одежда донских, кубанских, терских казачек-колхозниц выглядела гораздо скромнее. Повседневной, да и выходной, одеждой казачек летом служили рубаха или блузка с отложным воротником (поверх которой иногда надевали кофточка), юбка или платье – однотонные по цвету либо самых разных смешанных расцветок. Последнее в большей мере зависело не столько от эстетических вкусов самих казачек-колхозниц, сколько от их скромных материальных возможностей. Голову казачки обычно повязывали платком или (чаще) косынкой. Осенью и зимой тот же наряд с учетом наличествующих погодных условий дополнялся стеганкой, чулками, теплым платком. Примечательно, что женский костюм на Юге России существенно не менялся не только в 1930-х гг., но и на протяжении последующих двадцати – тридцати лет, в чем убеждают сохранившиеся фотодокументы [11, с. 110-123].

Таким образом, коллективизация, судя по анализируемым артефактам, существенно изменила структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани, Терека. Если в первой половине 1930-х гг. эти изменения зачастую носили деструктивный характер, то во второй, – вследствие оптимизации функционирования колхозной системы, трансформации казачьей повседневности не только усилились, но и приобрели положительный, созидательный характер. В то же время, несмотря на ряд новаций, в исторической повседневности казачества Юга России 1930-х гг. сохранялось и немало традиционных, архетипических черт, консолидировавших казачьи сообщества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большевик. Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б). – 1938. – 3 апреля.
2. Гужвин П. Хлеб России // Свободная мысль. 1992. – № 65. – С. 4-8.
3. Данишевский М. Вера Куркина // Молот. – 1936. – 5 марта.
4. Казачий Дон. Ч. II / Под ред. А.П. Скорика. – Ростов н/Д., 1995. – С. 35-36.
5. Колхозница. 1937. – № 1. – С. 18; № 2. – С. 14; № 4. – С. 14, 15; № 8-9. – С. 13, 17; № 11. – С. 12, 15, 21.
6. Коссинский В.С. Агротехника передового Усть-Лабинского района Кубани // Советская агрономия. – 1940. – № 2-3. – С. 100-104.
7. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / Под ред. А.И. Гозулова. – Ростов н/Д., 1940. – 159 с.
8. Панфилец В.К. Кубанская станица. – Краснодар, 1993. – 120 с.
9. Письмо казаков колхозных кавалерийских сотен Дона, Кубани и Терека И.В. Сталину. 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. – Пятигорск, 1936. – 241 с.
10. Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. – № 12. – С. 14-16.
11. Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар, 2006. – 123 с.
12. Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. – 1935. – № 11. – С. 5.
13. Шевченко Г. Командир казачьего эскадрона // Советские казаки. Очерки о бойцах, строителях социализма, верных сынах колхозного Тихого Дона. – Сталинград, 1936. – 150 с.
14. Шершевский А. Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. – 1936. – 29 марта.